

После того как очередная книга не дала никаких подсказок, она все равно решила это сделать.

Первый укол чакры заставил ее вскрикнуть и перевернуться на пол, где она жалобно скулила минут десять, пока боль не отступила. Вторая попытка оказалась гораздо успешнее: от кончиков пальцев до локтя она почувствовала неприятное ощущение булавок и иголок, похожее на удар по смешной косточке, но лучше, чем острая, жгучая боль от сломанного запястья.

Через несколько секунд она уснула.

Эта техника опасна, подумала Аой, проснувшись и обнаружив, что ее рука распухла и стала похожа на несколько слив, слипшихся вместе. Минимизация боли полезна, но она не позволяет отследить степень повреждения.

В конце концов, боль существует не просто так. Она сигнализировала о том, что телу нанесен вред, и предотвращала любые действия, которые могли бы навредить ему еще больше. Аой, видимо, провела часть ночи (или дня, она уже не знала точно), незаметно для себя засыпая на обезболенной руке, и тем самым усугубила отек.

Используя это, я могла бы отрезать себе руку, ничего не почувствовав, - размышляла она. Мне нужно усовершенствовать это, смягчить и приспособить к меньшей площади.

Открыв дверь, Кабуто обнаружил очень серьезную Аой, сидящую на полу со скрещенными ногами и разглядывающую сильно распухшее запястье, которое выглядело так, словно ему требовалась срочная медицинская помощь. Она не выглядела такой изможденной и невыспавшейся, как он предполагал, но травма, несомненно, болела. Он улыбнулся. «Доброе утро, Аой-сан».

«Доброе утро, сенпай». Ее глаза лениво скользнули по нему. «Не будете ли вы так любезны вылечить мое запястье прямо сейчас?» Ее тон был совершенно безвкусным и лишенным эмоций, как будто его ответ не имел никакого значения. Его улыбка расширилась. Без слов он подошел и опустился рядом с ней на колени, взяв ее руку жестом, который показался бы нежным любому другому человеку.

Ему потребовалось меньше двух минут, чтобы снять отек, восстановить порванные сухожилия и выровнять сломанные кости, чтобы они зажили как следует. Аой наблюдала за ним со свойственным ей напряжением, желтые глаза были острыми и внимательными. «Пару дней ты еще будешь чувствовать боль. Кости довольно трудно поддаются лечению, а запястье, как вы знаете, состоит из множества костей. Но после этого вы должны быть в порядке».

«Что мы будем делать сегодня?»

«Контролем чакры», - был короткий ответ.

Аой составляла мысленную карту за неделю, проведенную на базе РООТ, - по крайней мере, она полагала, что это была почти неделя. Коридоры, по которым Кабуто вел ее в этот раз, были ей знакомы, и она наверняка смогла бы найти дорогу обратно самостоятельно. Пока что она не видела ни одного живого существа, хотя ей часто казалось, что за ней наблюдают, и иногда, когда она поворачивалась, краем глаза улавливала движение.

Они пришли в одну из комнат-кубов. «Медицинское ниндзюцу требует безупречного контроля чакры, - пояснил он. «И немного больше знаний, чем те, с которыми знакомо большинство ниндзя. Чакра состоит из физической и духовной энергии, верно?» Аой послушно кивнула. О, здорово. Говорящий урок. Это было ее любимое занятие, потому что у Кабуто было мало поводов обидеть ее, так как она обычно знала ответы на его необоснованно запутанные вопросы. А еще ее забавляло, как Кабуто после каждого предложения натягивает очки.

«Для медиков-нинов есть другой способ классификации. Сырая и очищенная чакра. Сырая чакра - это почти синоним физической энергии. Ее вырабатывает каждая живая клетка тела. Она пассивно движется внутрь, от клеток к спиральям чакры в желудке. Там она может быть добровольно усовершенствована пользователем, смешавшись с духовной энергией, и перераспределена в остальные части тела для усиления или собрана и изгнана для ниндзюцу и гендзюцу».

«Значит, это как сок дерева».

Он влепил ей пощечину, но Аой видела, что это произойдет, и не вздрогнула. «Не перебивай меня. Когда большинство ниндзя говорят о чакре, они имеют в виду утонченную чакру. То есть ту, которой они добровольно манипулируют. Но они не знают, что сырой чакрой тоже можно управлять, хотя это и сложнее. Ее нельзя использовать для ниндзюцу или гендзюцу, но, будучи прямым продуктом жизнедеятельности клеток, она может быть использована для усиления и стимулирования их метаболизма. При использовании в тайдзюцу она даже более эффективна, чем утонченная чакра».

Вот что делает Ли, - внезапно поняла Аой. Поправила она себя. По какой-то причине он не может контролировать рафинированную чакру, но в тайдзюцу это почти преимущество, а не недостаток.

«Все живые существа обладают сырой чакрой, но лишь немногие могут ее рафинировать. Это одна из тех вещей, которые отличают призывателей от обычных животных, но нас это не волнует». Он улыбнулся. «Дело в том, что у сырой чакры тоже есть своя подпись, присущая каждому человеку; вот почему мы можем узнавать хорошо знакомых нам людей по одной лишь их чакре. Чакра с сигнатурой, отличной от индивидуальной, обычно вызывает реакцию отторжения, если попадает в тело».

Аой терпеливо слушала. У чакры был свой антиген, как и у каждой клетки в организме человека была своя молекула, благодаря которой иммунная система могла распознать ее и действовать только против клеток, обладающих неправильным антигеном.

«Именно по этой причине медицинские ниндзюцу, внедряющие чакру в тело пациента, вообще не должны обладать физической энергией. Она должна быть полностью заблокирована, чтобы оставалась только духовная энергия».

Да, все очень логично.

«Но если бы я попыталась исцелить себя сама, мне не нужно было бы выкачивать физическую энергию, ведь мое тело не отвергнет мою собственную сигнатуру чакры», - рассуждала Аой.

Кабуто, казалось, был слишком удивлен, чтобы заметить, что она снова перебила его. «Ну, да... Теоретически».

Он взял себя в руки и хлопнул в ладоши, закончив длинное объяснение. «Пройдитесь по стене для меня, пожалуйста. Направь чакру в ноги и попробуй заставить их держаться». Аой быстро поняла, что ходьба отличается от ползания. Мало того, что она была прикреплена к стене меньшей площадью, так еще и приходилось равномерно распределять чакру по всему телу, чтобы противостоять силе тяжести. Тем не менее ей это удавалось с легкостью.

Она смотрела на него с пустым лицом, стоя перпендикулярно стене, и выражение ее лица почти говорило: скажи мне что-нибудь, чего я не знаю.

Кабуто нахмурился, затем велел ей спуститься и порылся в кармане. Он достал небольшой белый камень с металлическим блеском. «Это камень Инь чакры. Он реагирует на чакру с физическим составом, вибрируя и дробясь. Попробуйте влить в него только духовную чакру. Если получится, он не должен разбиться».

Аой взяла камень в правую руку. Пожав плечами, она направила в него крошечное количество чакры, а затем с легким восхищением наблюдала, как камень раскололся на две аккуратные половинки, которые начали притягиваться друг к другу, пока снова не слиплись и трещина не исчезла. Это как ртуть, только твердая. Может быть, какой-то магнит.

Кабуто уже собирался что-то сказать, как дверь открылась, и вошел Данзо. «Доброе утро, Кабуто-сан, Аой-сан. Как проходят тренировки?»

О, слава богу. Я умираю от голода.